

ГЛАВА I

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ДОЛЖНЫ ИСПОЛНЯТЬСЯ

Принцип обязательности любого гражданско-правового договора, порождающего определенные обязательства для его участников, означает обращенное к ним требование добросовестно исполнять все изложенные в таком договоре условия (*pacta sunt servanda*). Данный принцип является фундаментальным правилом договорного права, закрепленным в ст. 309 ГК РФ.

Согласно данной правовой норме обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований — в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями. Односторонний отказ от исполнения обязательств по общему правилу не допускается, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации (ст. 310 ГК РФ).

Должник, обязанный в силу обязательства совершить определенное действие или воздержаться от его совершения (ст. 307 ГК РФ), не вправе произвольно отказаться от исполнения обязательства, осуществление которого объективно возможно (п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»).

Ухудшение экономического положения в стране или возникновение финансовых трудностей у должника в процессе исполнения

обязательств, изменение рыночной конъюнктуры, равно как и появление иных подобного рода обстоятельств не освобождают его от необходимости в полном объеме добросовестно выполнять все принятые на себя обязательства.

Именно такая модель добросовестного и разумного осуществления своих субъективных гражданских прав и выполнения юридических обязанностей соответствует общеправовым принципам *pacta sunt servanda* и *favor contractus (favor negotii)*, которые направлены на сохранение взаимных обязательств сторон и недопустимость одностороннего уклонения или отказа от их надлежащего исполнения (Решение Арбитражного суда г. Москвы от 15.07.2020 по делу № А40-290556/19-67-1275).

Указанные требования относятся не только к обязанностям сторон сделки передать друг другу какое-либо имущество, выполнить работу или оказать услугу, но касаются также обязанности претерпевать негативные имущественные последствия, составляющие предмет того или иного обязательства, как то: уплата неустойки, утрата обеспечительного платежа, задатка или необходимость перечисления суммы задатка в двойном размере, лишение прав на заложенное имущество вследствие обращения на него взыскания и т. п. (Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.09.2020 по делу № 88-179742/2020(8Г-17198/2020)).

Данные требования применяются ко всей структуре обязательственных правоотношений сторон, представленной в соответствующем договоре, поскольку с учетом ст. 431 ГК РФ все условия договора должны толковаться в совокупности путем сопоставления с иными условиями и смыслом такой сделки в целом.

Если, к примеру, одно положение договора подряда устанавливает обязанность сторон отвечать за причиненные убытки, а другое положение ограничивает размер ответственности подрядчика только реальным ущербом, то совокупность таких договорных условий исключает возможность взыскания с подрядчика упущенной выгоды (неполученных доходов) по правилам ст. ст. 15 и 393 ГК РФ.

Иной подход делал бы необязательным условие договора подряда об ограничении размера ответственности подрядчика перед заказчиком, полностью нивелируя договоренности сторон, что прямо противоречило бы рассматриваемому принципу, направленному на обеспечение стабильности договорного правоотношения (Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 21.07.2022 по делу № А33-35235/2020).

Можно привести и другие примеры действия указанного правового принципа. Так, расчетной базой для неустойки может являться не только сумма просроченного денежного обязательства, но и вся цена по договору, поскольку это не вступает в противоречие с положениями ст. ст. 330 и 421 ГК РФ, не содержащих на этот счет никаких запретов и ограничений.

В одном деле суд прямо указал на то, что согласование сторонами условий сделки по своему усмотрению в рамках предоставленной им свободы договора, в том числе касающееся порядка исчисления неустойки, предполагает необходимость соблюдения условий договора именно в том виде, в котором они были определены, что соответствует основополагающему принципу частного права — *pacta sunt servanda* («договоры должны соблюдаться»), закрепленному в ст. ст. 309, 310 ГК РФ.

Ссылаясь на недопустимость спорного условия договора подряда о неустойке, должник вместе с тем в нарушение ст. 65 АПК РФ не представил относимых и допустимых доказательств того, что согласованный сторонами порядок определения неустойки (от цены договора) входил в противоречие с каким-либо явно выраженным законодательным запретом, нарушал существо законодательного регулирования отношений по договору подряда либо ущемлял особо значимые охраняемые законом интересы, привел или мог привести к грубому нарушению баланса интересов сторон.

На наличие обстоятельств, которые бы свидетельствовали о нарушении установленных законом пределов свободы договора должник в ходе судебного разбирательства не ссылался. В договор подряда

стороны не вносили каких-либо изменений и дополнений, соглашения о его прекращении не заключали, а изначально на стадии заключения они имели равное влияние на определение условий заключаемого договора.

В судебном порядке данный договор подряда незаключенным или недействительным полностью или в части спорного условия не признавался, что означало необходимость для сторон добровольно и в полном объеме выполнять все принятые по нему обязательства (Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.01.2024 № Ф04-1520/2020).

Аналогичная правовая позиция была закреплена в п. 4 Итоговой справки по спорам, вытекающим из договора купли-продажи, в том числе поставки (§ 3 главы 30 Гражданского кодекса Российской Федерации), одобренной на заседании Президиума Арбитражного суда Западно-Сибирского округа 28.12.2017.

В другом деле суд частично удовлетворил требования покупателя о взыскании с поставщика убытков, причиненных некачественным ремонтом вагона, а в остальной части отказал, поскольку истец нарушил установленный договором порядок фиксации недостатков.

Стороны договорились, что рекламационная и претензионная работа в отношении поставленного по договору товара ведется в соответствии с регламентом расследования причин отцепки грузового вагона и ведения рекламационной работы, в том числе в части порядка извещения о случаях отцепки товара в ремонт.

На данный регламент стороны сделали отсылку в своем договоре в качестве обязательного для применения условия. В частности, условиями регламента было прямо установлено, что покупатель обязан дублировать извещение вагонного депо о выявленном дефекте и вызове представителя поставщика/завода-изготовителя для участия в расследовании причин его возникновения по электронному адресу электронной почты.

В случае если при составлении акта-рекламации с участием представителя поставщика/завода-изготовителя возникают разногласия

между подразделением железной дороги, забраковавшим товар, и представителем поставщика, связанные с фактическим наличием дефекта или установлением виновности в появлении обнаруженного дефекта/определении стороны, устраняющей эти дефекты, представитель поставщика подписывает акт-рекламацию с особым мнением о причинах несогласия с выводами комиссии.

В нарушение согласованного в договоре порядка рекламационной работы по данным вагонам покупатель фиксации не произвел, поэтому с учетом возражений поставщика вину последнего и наличие технологических (гарантийных) недостатков товара суд посчитал недоказанными.

По мнению суда, договор как соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей (ст. 420 ГК РФ) предусмотрен законом (ст. 8 ГК РФ) в качестве одного из оснований возникновения гражданских прав.

Базируясь на принципах диспозитивности, законности, свободы воли участников гражданского оборота, именно договор выступает важным средством реализации потенциальной правоспособности граждан и организаций, основной формой выражения их деловой активности.

При этом возникновение договорных отношений связано с необходимостью соблюдения определенной формальной процедуры, что предопределяет особую значимость вопросов о заключенности (незаключенности) договора. В гражданском праве широко применяется принцип *pacta sunt servanda*, основанный на добросовестности и необходимости соблюдения как основных, так и всех дополнительных (факультативных) условий договора.

Ввиду того что покупатель не известил надлежащим образом поставщика и в нарушение ст. 65 АПК РФ не представил доказательства соблюдения процедуры составления рекламационных актов, это лишило последнего возможности заявить о своих возражениях в отношении выявленных дефектов, провести экспертизу характера недостатков и реализовать иные свои гражданские права.

Устранение недостатков без соблюдения соответствующей процедуры лишает истца права требовать с ответчика возмещения убытков, вызванных и основанных на доказательствах, которые фактически не могли и не могут быть оспорены ответчиком в результате действий (бездействия) истца, составленных с нарушением условий договора (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.10.2023 № Ф05-24982/2023).

Данный правовой принцип во взаимосвязи с требованиями добросовестности и разумности, недопустимости злоупотребления правом и извлечения каких-либо преимуществ из своего незаконного или недобросовестного поведения, закрепленными в ст. ст. 1, 9-10 ГК РФ, позволяет участнику гражданского оборота в судебном споре с процессуальным оппонентом указывать не второстепенное значение несущественных аргументов, приводимых последним в защиту занятой по делу позиции и используемых для уклонения от исполнения обязательств и для ухода от ответственности за их нарушение.

Например, в одном деле суд округа, оставляя без изменения принятый по делу судебный приказ, отклонил довод должника о том, что взыскатель к своему заявлению о выдаче судебного приказа не приложил все документы, подтверждающие его требование о взыскании задолженности по договору аренды транспортного средства с экипажем.

Однако такая процессуальная позиция не была поддержана окружным судом, поскольку из представленных взыскателем документов можно было установить наличие и размер дебиторской задолженности, которую должник, по существу, не оспаривал, ссылаясь только на формальные причины для отмены судебного акта.

Окружной суд обратил внимание и на то, что при проверке доводов должника он не может не учитывать один из основополагающих принципов обязательственного права — *pacta sunt servanda* (Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28.02.2020 № Ф08-106/2020).

В другом деле суд рассматривал ситуацию, при которой иностранный банк заблокировал денежные средства российской кредитной

организации на сумму около 25 млн долл. США, следуя односторонним действиям американского правительства в отношении российских компаний и граждан. Тем самым российскому банку был причинен реальный ущерб ввиду невозможности использовать заблокированную за рубежом денежную сумму в значительном размере.

Российский банк предъявил иск о возмещении убытков в российском суде не только к иностранному банку, но и к входящему с последним в одну группу российскому банку, указав следующее. Добровольное следование иностранным банком ограничительным мерам иностранного правительства не освобождает его от ответственности за нарушение обязательств.

Российский банк, входящий с иностранным банком в одну группу лиц, хотя формально и выступает независимым юридическим лицом, но фактически выступает в качестве российского подразделения, в отношении которого при этом американское правительство никаких мер не предпринимало.

Такое положение вещей давало ему право продолжать ведение банковского бизнеса на территории России с целью извлечения прибыли, уклонившись от добросовестного исполнения обязательств. Каких-либо вариантов исполнения иностранным банком своих обязательств перед российской кредитной организацией, чьи денежные средства были заблокированы, иностранный банк совместно со своим российским банком не предлагал, продолжая извлекать преимущества из своего незаконного поведения.

Несмотря на то что иностранный банк и входящий с ним в одну группу российский банк являлись независимыми организациями, они имели единый центр принятия решений за рубежом, единый бренд и были встроены в единую корпоративную структуру, позиционируя себе как единое целое, как звенья одной цепи.

В таком случае формальное отграничение правосубъектности иностранного банка от российского не освобождало последний от солидарной ответственности за допущенные им нарушения, поскольку такая модель ведения бизнеса (блокировка средств головным банком

и продолжение ведения бизнеса в России дочерней структурой, не желающей отвечать по его долговым обязательствам) являлась злоупотреблением правом, запрещенным ст. 10 ГК РФ.

Такие недобросовестные действия двух банков охватывались понятием «генерального деликта», нормативно закрепленного в ст. 1064 ГК РФ, с последствиями, установленными в ст. 1080 ГК РФ, что свидетельствовало об изменении статуса иностранного банка и входящего с ним в одну группу российского банка из формально независимых структур в солидарных ответчиков.

В итоге суд, проанализировав совокупность представленных доказательств по делу и дав надлежащую правовую оценку действиям соответчиков, которые не имели под собой никаких законных и разумных оснований, возложил на них обязанность возместить российскому банку, чьи денежные средства были незаконно заблокированы за рубежом, убытки (Решение Арбитражного суда г. Москвы от 17.10.2023 по делу № А40-167352/23-3-1320).

Действие рассматриваемого нами принципа касается только договорных правоотношений сторон и не охватывает иные обязательства, в частности имеющие внедоговорную правовую природу. В таком случае заинтересованная сторона в первую очередь должна доказать наличие соответствующего обязательства и только после этого требовать его надлежащего исполнения по правилам, установленным в ст. 307 ГК РФ.

Например, в одном деле кассационный суд прямо указал на преждевременное применение нижестоящими судебными инстанциями принципа *pacta sunt servanda* в связи с отсутствием между сторонами спора какого-либо договора, который должен исполняться.

Конфликт возник внутри семьи в связи с предоставлением финансовой помощи на погашение ипотечного кредита, которую после распада семьи ответчик отказался возвращать истцу.

Ссылаясь на перечисление денежных средств на платежную карту ответчика, истец требовал вернуть ему перечисленные суммы по правилам о неосновательном обогащении с начислением штрафных

процентов, рассчитанных по ключевой ставке ЦБ РФ в соответствии со ст. ст. 395, 1102 и п. 2 ст. 1107 ГК РФ.

Согласно п. 1 ст. 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 ГК РФ.

При этом основания возникновения неосновательного обогащения могут быть различными: требование о возврате ранее исполненного при расторжении договора, требование о возврате ошибочно исполненного по договору, требование о возврате предоставленного при незаключенности договора, требование о возврате ошибочно перечисленных денежных средств при отсутствии каких-либо отношений между сторонами и т. п.

Нормы о кондикции носят универсальный характер, они призваны обеспечить реализацию основных начал гражданского права, закрепленных в ст. 1 ГК РФ, а также эквивалентно-возмездное начало гражданско-правового договора (ст. ст. 423 и 424 ГК РФ). Обязательство из неосновательного обогащения относится к числу охранительных обязательств, а его содержание образуют требование о возврате неосновательного обогащения (*condictio*) или притязание из неосновательного обогащения и корреспондирующая этому требованию обязанность возвратить неосновательное обогащение.

Поскольку истец, обращаясь с кондикционным иском в суд, должен доказать, что ответчик приобрел или сберег его имущество без установленных законом или сделкой оснований, применение принципа *pacta sunt servanda* является преждевременным (Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 04.04.2023 по делу № 88-7539/2023).

Следует учитывать, что действие данного принципа не является абсолютным и может быть заблокировано различными факторами,

влияющими на объективную возможность сторон исполнять принятые на себя договорные обязательства.

Так, рассматриваемый правовой принцип не применяется при наличии существенно изменившихся обстоятельств, которые в силу ст. 451 ГК РФ дают стороне договора право потребовать его изменения или расторжения. Обстоятельства, хотя бы относящиеся к числу чрезвычайных и непредотвратимых, но не создающие невозможности исполнения обязательства, нельзя рассматривать в качестве непреодолимой силы.

Обстоятельства подобного рода, в том числе эпидемиологическая обстановка, ограничительные меры, режим самоизоляции, специальная военная операция на Украине, если они отвечают предусмотренным ст. 451 ГК РФ признакам, могут обсуждаться в свете теории *clausula rebus sic stantibus* — значимой для договорного права оговорки о неизменности обстоятельств, призванной нивелировать негативные для сторон последствия непредвидимого в момент заключения договора изменения внешней ситуации.

В той мере, в какой наступление этих обстоятельств не могло быть разумно предвидено, предотвращено участниками гражданского оборота, что для обычного участника оборота, осуществляющего предпринимательскую или иную экономическую деятельность, является исключительным случаем, может быть признано допустимым применением положений названной статьи (Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 10.02.2023 № 07АП-902/2023).

В то же время само по себе изменение обстоятельств не может автоматически влечь негативные последствия для сторон гражданско-правовых отношений — всех или каждого или являться достаточным основанием для изменения либо прекращения правоотношений.

Следует учитывать, что участники гражданского оборота, являющиеся коммерческими организациями (ст. 50 ГК РФ), осуществляют предпринимательскую деятельность на свой страх и риск, который подразумевает в числе прочего и то, что возможные экономические потери не могут перекладываться на контрагентов.

Вступая в коммерческие отношения, субъект самостоятельно принимает экономически значимые решения и, как правило, действует в ситуации неочевидности. Субъекты предпринимательской деятельности осуществляют эту деятельность с определенной степенью риска и несут ответственность за ненадлежащее исполнение обязательств независимо от наличия в этом их вины (абз. 3 п. 1 ст. 2 и п. 3 ст. 401 ГК РФ).

Коммерсанты обязаны предпринимать все зависящие от них меры для надлежащего исполнения принятых на себя обязательств, прогнозировать последствия, в том числе и негативные, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.09.2023 № 09АП-53156/2023).

В этой связи они не вправе ссылаться на существенное изменение обстоятельств, если могли предвидеть негативный сценарий в виде введения экономических санкций, изменение рыночной конъюнктуры, резкие колебания курса валют, инфляционные процессы и т. п. (Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.02.2024 по делу № А32-8509/2023).

Данный подход в равной мере относится и к бюджетным учреждениям, вступающим в договорные правоотношения с поставщиками и подрядчиками, финансирование оплаты услуг которых производится за счет бюджета соответствующего уровня бюджетной системы Российской Федерации. Утверждение бюджета регулируется нормами бюджетного законодательства Российской Федерации и является динамичным процессом, привязанным к каждому календарному году.

Заключая с коммерсантом договор, оплата которого производится из средств бюджета, стороны должны были предвидеть возможность изменения бюджетных лимитов в любую сторону, а поскольку денежное обязательство лежит на бюджетном учреждении, то именно последнее как сторона соглашения несет риск изменения лимитов бюджетных обязательств и как следствие необходимость исполнения обязательств за счет иных источников финансирования при

ограничении поступлений из бюджета, в том числе привлечения бюджетных кредитов.

В связи с этим, если бюджетное учреждение в нарушение ст. 65 АПК РФ не представит надлежащих и допустимых доказательств того, что исполнение им гражданско-правового договора без изменения его условий настолько нарушит соответствующее договору соотношение имущественных интересов сторон либо повлечет для него такой ущерб, что он в значительной степени лишается того, на что был вправе рассчитывать при заключении договора, оснований для применения принципа *clausula rebus sic stantibus*, позволяющего пересмотреть в судебном порядке условия договора, не имеется (Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.02.2024 по делу № А12-18582/2023).